

PUSTOY

МАЯК В ГОРОДЕ БЕЗ МОРЯ

МИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Pustoy

Маяк в городе без моря

«Автор»

2026

Pustoy

Маяк в городе без моря / Pustoy — «Автор», 2026

Архивный фотограф Алиса Марева возвращается в Белоярск, чтобы продать унаследованный маяк, стоящий посреди дна высохшего озера. Но старые стеклянные негативы проявляют мальчика, которого никто не помнит, радио зовёт местную девочку к башне, а в городских книгах обнаруживаются аккуратно вычеркнутые жизни. До рассвета Алисе придётся раскрыть тайну маяка и понять, почему город много лет платит за сухие улицы чужими именами.

© Pustoy, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Негатив	6
Глава 2. Голос на пустой частоте	9
Глава 3. Люди, которых не было	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Pustoy

Маяк в городе без моря

МИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Маяк в городе без моря

Pustoy

2026

Глава 1. Негатив

К полудню автобус выплюнул Алису Мареву на площадь Белоярска и ушёл дальше, подняв за собой белую пыль. Пыль здесь была солёной. Она хрустнула на зубах, хотя Алиса стояла с закрытым ртом.

Город почти не изменился с тех пор, как она уехала учиться. Те же двухэтажные дома вокруг площади, тот же облезлый барометр над дверью аптеки, та же башенка пожарной части. Только на месте фонтана устроили клумбу из серых камней. В Белоярске давно не тратили воду на украшения.

За последними крышами начиналось дно высохшего озера — ровное, белое, спящее. В трёх километрах от города посреди этой белизны стоял маяк.

Алиса увидела его сразу. Узкая кирпичная башня, чёрная галерея под фонарём, дом смотрителя у подножия. Маяк был нелеп в городе без моря и теперь принадлежал ей.

— Марева?

У остановки ждал мужчина в выгоревшей рубашке. Алиса узнала Егора Ланского только по тому, как он шурил левый глаз. В школе он делал так перед дракой или сложной задачей.

— Ты всё-таки приехала, — сказал он.

— Нотариус грозил продать башню за долги без меня.

— А ты хочешь продать сама.

— В этом и состоит взрослость.

Егор забрал её чемодан и понёс к старой «Ниве». В багажнике лежали катушки провода, раскрытый радиоприёмник и две канистры воды.

— Мэрия назначила осмотр на пятницу, — сказал он, заводя машину. — Покупатель из областного центра хочет сделать гостиницу. Экзотика, вид на пустыню.

— Вид на бывшее озеро стоит дешевле, чем вид на настоящее.

— Пока да.

Она повернулась к нему, но Егор уже смотрел на дорогу.

Озеро называлось Солёным. В детстве Алиса видела его только на выцветших открытках: вода у самых домов, лодки у рыночной площади, маяк на низком каменном мысу. Потом озеро отступило за одну ночь. Взрослые говорили о подземных руслах и засухе. Каждые несколько лет геологи обещали, что вода вернётся, но на дне успели вырасти чахлые кусты.

«Нива» съехала с асфальта. Под колёсами захрустела соляная корка. Дорога к маяку была отмечена вешками, хотя заблудиться на плоском дне казалось невозможным.

Дом смотрителя встретил их прохладой и запахом старой бумаги. Бабушка Алисы, Вера Павловна, умерла зимой. До последнего дня она жила здесь одна, раз в неделю ходила в город и никого не пускала в фонарную комнату.

На столе стояла кружка с засохшим чайным ободком. На спинке стула висел шерстяной платок. Алиса ощутила укол вины, но привычно отложила его, как откладывала в архиве испорченный снимок: потом разберусь.

— Электричество я восстановил, — сказал Егор. — Насос в колодце работает через раз. И ещё твоя бабушка просила кое-что не выбрасывать.

Он показал на деревянную дверь в конце коридора. За ней оказалась фотолaborатория. Красная лампа, ванночки, увеличитель, сушильные зажимы. На полках стояли коробки стеклянных фотопластинок. На каждой — год, выведенный аккуратным почерком Веры Павловны.

— Я думала, она давно не снимала.

— Она снимала маяк каждое первое сентября. Ровно в полночь.

— Зачем?

— Не говорила.

Алиса работала архивным фотографом и знала цену странным привычкам. Иногда человек десять лет фотографирует одну дверь, потому что однажды из неё не вышел тот, кого он ждал. Но бабушка никогда не рассказывала о своих снимках.

На рабочем столе лежал конверт без даты. На нём было написано: «Алисе. Проявить самой».

Прежде чем открыть его, Алиса прошла по дому с телефоном, снимая всё для описи. Нотариус просил фотографии мебели и состояния стен. В спальне бабушки она нашла семейные альбомы. На ранних снимках рядом с маленькой Алисой постоянно оставался дефект: засвеченное плечо, половина велосипеда, вторая тень на песке. На фотографии у школы Алиса протягивала кому-то мороженое, но её ладонь обнимала пустоту. Кто-то методично вытравил из эмульсии узкие фигуры, не повредив остальной кадр.

В ящике комода лежали детские вещи: два загранпаспорта старого образца в потёртых обложках. Первый принадлежал Алисе. Во втором страницы были чистыми, фотография сорвана, а на обложке проступала буква «К», будто имя пыталось вернуться через картон. Алиса положила паспорт рядом с конвертом. Для продажи маяка эта находка ничего не значила. Для неё — уже слишком много.

— Ты его открывал?

— Нет.

В конверте оказалась стеклянная пластинка, уже экспонированная, но не проявленная. Алиса закрыла дверь, задёрнула штору и зажгла красную лампу. Реактивы были свежими. Бабушка приготовила их незадолго до смерти или велела Егору заменить.

— Мне выйти? — спросил он.

— Стекло не стесняется.

Она работала автоматически: проявитель, лёгкое покачивание ванночки, стоп-раствор, фиксаж. На стекле медленно проступил маяк. Снимок был сделан из города длиннофокусным объективом. Башня стояла чёрным пальцем на белом дне, фонарь горел, хотя уже много лет его не включали.

У подножия маяка был мальчик.

Он стоял спиной к объективу, худой, в слишком большой куртке. Левой рукой держался за кирпичную стену. Правая была поднята, словно он заслонял глаза от луча.

— Кто это? — спросила Алиса.

Егор не ответил.

Она поднесла пластинку ближе к красной лампе. В стекле проявлялись мелкие детали: рваный ремешок на рукаве, светлая макушка, полоса ткани на запястье. Алиса знала эту полосу. В детстве бабушка обвязывала им руки одинаковыми красными лентами, когда везла на ярмарку, чтобы не потерялись.

«Им».

Слово возникло в голове без продолжения.

— Егор, — сказала она. — Кто это?

Он сел на табурет так резко, что тот скрипнул.

— На снимке никого нет.

— Я вижу мальчика.

— Я тоже. Но минуту назад не видел.

Алиса хотела спросить, что за дешёвую сцену он разыгрывает, но заметила его лицо. Егор побледнел. Он смотрел не на мальчика, а на его поднятую руку.

— Ты его знаешь.

— Нет. — Он потёр висок. — То есть... Мне кажется, у тебя был брат.

Внутри Алисы что-то сжалось, хотя мысль была нелепой. Она была единственным ребёнком. В анкетах, семейных разговорах, бабушкином завещании — везде только Алиса.

Егор достал телефон и открыл старую фотографию школьного радиокружка. Два ряда подростков у крыльца. Между Алисой и Егором оставалось узкое пустое место, будто один человек отошёл перед щелчком затвора. Рука Алисы была согнута и лежала на невидимом плече.

— Я никогда этого не замечал, — сказал Егор.

Снаружи хлопнула дверь.

Они вышли в коридор. Входная дверь была распахнута, по полу тянулась дорожка солёных следов босых ног. Следы вели не внутрь, а наружу — от дома к маяку.

На середине пути стояла девочка лет тринадцати в жёлтой футболке. Она шла к башне, не замечая острой соли под ногами.

— Тася! — крикнул Егор.

Девочка не обернулась.

Алиса догнала её у самой двери маяка и схватила за плечи. Тася дёрнулась, открыла глаза и закричала.

— Пустите! Он зовёт!

— Кто?

Тася посмотрела мимо Алисы, вверх, на тёмный фонарь.

— Мальчик в стекле. Он сказал, что сегодня свет включится снова.

В тот же миг над ними тяжело повернулся заржавевший механизм. В фонарной комнате вспыхнул белый луч. Он прошёл по высохшему озеру, по городу и на секунду осветил дальний горизонт.

Там, где не было воды, что-то блеснуло и двинулось.

Глава 2. Голос на пустой частоте

Егор отвёз Тасю домой, а Алиса осталась у маяка. Она заперла входную дверь, проверила щеколду и всё равно поставила перед ней стол. Луч больше не зажигался. В башне пахло горячей медью, хотя провода к фонарю были обрезаны.

На рассвете Алиса поднялась по винтовой лестнице. Сто семь ступеней. На семьдесят третьей кирпич был исцарапан десятками коротких линий. По девять в каждой группе, и рядом — инициалы.

В фонарной комнате стояла линза Френеля высотой с человека. Грани были мутными от пыли. За линзой — пустое гнездо лампы, зелёные медные контакты и привод с ручным колесом и старым электромотором. Внешние провода были обрезаны. Ничто не могло дать вчерашний свет.

На полу лежала пуговица от детской куртки.

Алиса подняла её. Тёмное дерево, вырезанная маленькая звезда; один край почернел, будто пуговицу прижимали к горячему металлу. В памяти мелькнуло: чужая ладонь держит такую же пуговицу над кухонным столом; бабушкин голос говорит: «Не вертись, Кирюша».

Воспоминание исчезло, оставив после себя тошноту.

Она положила пуговицу в пакет для фотоматериалов и позвонила Егору.

— Мне нужно знать всё про Тасю.

— Обычная девчонка. Полное имя Таисия Круглова, дочь Марины из пекарни. Отец уехал. Что именно?

— Почему маяк позвал её?

— Этого я не знаю. Но она не первая, кто ходит сюда во сне.

К полудню Егор вернулся с переносным радиоприёмником. Тася приехала с ним, сидела на заднем сиденье и демонстративно смотрела в окно.

— Я велел ей остаться дома, — сказал Егор.

— А я велела ему не командовать, — ответила Тася. — Мама на смене. Если запрут, я выйду через окно.

Она была невысокой, коротко стриженной, с ободранными коленями. Вчерашних порезов на ступнях почти не осталось — кожа была смазана йодом и заклеена пластырями.

— Что именно ты слышала? — спросила Алиса.

— Сначала радио. Потом он говорил без радио.

— Кто — он?

— Не знаю имени. Мальчик. Он сказал: «Тась, не бойся света».

— Почему ты решила идти к маяку?

— Не решила. Ноги пошли. — Тася нахмурилась. — Но если бы не пошли, я бы всё равно пришла. Тут что-то не так, и вы тоже это знаете.

Егор поставил приёмник на стол. Его мастерская чинила рации фермеров и старые магнитолы, а по вечерам он вёл местный эфир для дальнбойщиков. Вчера, объяснил он, на пустой частоте 107,9 появился сигнал. Частота давно была занята шумом от городской подстанции, но ровно в полночь помехи сложились в детский голос.

— Запись есть?

Егор вставил карту памяти. Из динамика пошёл треск, затем размеренный стук, похожий на работу маячного механизма.

— Девять коротких, — сказала Алиса.

После девятого удара прозвучало:

— ...ся. Тася. Вера не успела. Найди стекло. Не дай им выбрать тебя.

Девочка крепко взялась за край стола.

— Вот. Это он.

— «Им» — кому? — спросила Алиса.

В ответ динамик захрипел. Приёмник не был настроен на запись, однако зелёная шкала дёрнулась. Голос вернулся, теперь ближе:

— Алиса не помнит дверь.

Приёмник выключился.

Егор выдернул шнур из розетки. Тася смотрела на Алису.

— Какую дверь вы не помните?

— Никакую.

— Значит, надо найти все.

В доме зрителя было пять дверей. Шестую обнаружили за стеллажом фотолаборатории. Доски стены отличались оттенком. Когда Егор снял полку, показался узкий дверной проём, забитый кирпичом.

Раствор между кирпичами оказался свежим только снаружи. За первым рядом была полость и старая деревянная дверь. На ней сохранилась табличка: «Проявочная № 2».

— Бабушка зачем-то замуровала комнату, — сказала Алиса.

— Или не хотела, чтобы её замуровали другие, — возразила Тася.

Они разобрали несколько кирпичей. Егор пролез первым и включил фонарь. Комната была маленькой, без окон. Вдоль стен стояли узкие шкафы, но все полки оказались пусты. Только в центре на табурете лежал детский фотоаппарат «Смена».

Внутри была плёнка.

Алиса проявила её в первой лаборатории. На тринадцати кадрах — обычное детство: площадь с настоящим фонтаном, Егор на велосипеде, Алиса с двумя косами, бабушка у маяка. Снимал кто-то невысокий; взрослые смотрели чуть вниз.

На четырнадцатом кадре Алиса стояла перед чёрной дверью в основании маяка. Рядом был мальчик со светлыми волосами. Он держал её за руку. С обратной стороны плёнки иглой было процарапано: «Кирилл и Алиса. 1 сентября. До выбора — три часа».

Пятнадцатый кадр был почти пустым. Только крупно снятая кирпичная кладка внутри башни и детский палец у одной из царапин. Алиса увеличила изображение. Между зёрнами проступили буквы: «Свет идёт вниз». Рядом был нарисован прямоугольник с двумя кругами, похожий на схему зеркала.

— Он оставлял инструкцию, — сказала Тася. — Значит, уже знал, что забудут.

Алиса отрезала кадр и убрала отдельно. В памяти снова что-то качнулось: они с Кириллом сидят под лестницей, он показывает, как читать планы маяка, и смеётся, потому что она принимает шахту противовеса за тайный тоннель. Воспоминание было коротким, зато после него Алиса точно знала: под семьдесятю тремя ступенями пространство шире, чем кажется с лестницы.

— Кирилл, — тихо сказал Егор. — Я вспомнил фамилию. Марев.

Алиса не могла отвести глаз от мальчика. Черты его лица были смазаны светом, но поза казалась знакомой: чуть подался вперёд, готовый заслонить её собой.

Тася тем временем разглядывала шкафы. Она провела пальцем по пыли и постучала по задней стенке нижнего отделения.

— Здесь пусто не потому, что всё вынесли.

За фанерой нашёлся узкий тайник. В нём лежал список из девятнадцати фамилий. Даты шли с промежутком в девять лет. Последней стояла дата девятилетней давности, но имя было тщательно выскоблено ножом.

Следующая строка была пустой.

Напротив неё Вера Павловна карандашом поставила завтрашнее число.

И написала: «Круглова Таисия».

Глава 3. Люди, которых не было

Тася прочитала своё имя и сказала:

— Значит, завтра меня украдут.

Не спросила, не расплакалась. Только побледнела под веснушками.

— Никто тебя не украдёт, — ответила Алиса слишком быстро.

— Тогда зачем бабушка написала?

— Чтобы предупредить.

— Она умерла в феврале. Откуда знала?

На этот вопрос у Алисы не было ответа.

Они отвезли список в городской архив. Алиса проработала в областном фотоархиве семь лет и привыкла, что любая катастрофа оставляет бумажный мусор: ведомости, заявления, поправки на полях. Если человек жил в городе, от него оставались десятки следов.

В Белоярске следы исчезали аккуратно.

Архив занимал бывшую водолечебницу. В читальном зале пахло известью. Архивистка Нина Семёновна нашла метрические книги, школьные журналы и списки жителей за семьдесят лет. Ни одной фамилии из бабушкиного листа там не было.

— А по датам? — спросила Алиса.

— Что по датам?

— Каждый девятый год.

Нина Семёновна поджала губы, но принесла годовые отчёты. В каждом нужном году обнаруживалась одна и та же странность: итоговое число жителей было на единицу меньше суммы квартальных списков. Внизу стояло объяснение: «техническая корректировка».

— Кто подписывал? — спросил Егор.

Подписи менялись. Секретарь исполкома, председатель совета, нынешняя глава города Анна Сергеевна Орлова. Девять лет назад корректировку подписала именно она.

Тася листала журнал школьного радиокружка и вдруг остановилась.

— Тут вырвана страница.

В журнале за год, когда Алисе было шестнадцать, между сентябрём и октябрём оставался аккуратный корешок. Нумерация участников перескакивала с тринадцатого на пятнадцатый. Следующая страница была переписана одним почерком, будто руководитель заново внёс всю группу.

— Кирилл был старше на два года, — сказал Егор, зажмурившись. — Нет... На три? Мы с ним на озеро ходили. Он научил меня паять. Почему я не помню его лица?

Нина Семёновна подняла голову.

— В читальном зале запрещены выдумки.

— Вы знали Веру Мареву сорок лет, — сказала Алиса. — Она фотографировала город. Где её негативы?

— В хранилище нет фонда Маревой.

Алиса показала список. Архивистка увидела первую фамилию — «Рыбаков Лев Андреевич, 1849» — и её рука дёрнулась. Она уронила очки.

— Кто это? — спросила Алиса.

— Никто.

— Вы вспомнили.

— Уходите.

Тася первой заметила, что дверь читального зала заперта снаружи.

В коридоре слышались шаги. Анна Орлова вошла с ключом в руке. Алиса помнила её молодой учительницей истории: прямая спина, короткие тёмные волосы, голос, которому верили даже прогульщики. Теперь в волосах была седина, но взгляд оставался спокойным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.